Д. Д. ШАМРАЙ

Ф. ЭМИН И СУДЬБА РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

В 1768 и 1769 годах в Петербурге вышли три тома «Российской истории» Ф. Эмина. Титульная страница этого издания была очень многословна и содержала обещание закончить весь труд изображением цветущего состояния империи при Екатерине II. Однако своего намерения автор не выполнил: в 1770 году он умер.[1]

Рукопись «Российской истории» принималась к печатанию в типографии Академии наук на положении частного заказа, первые три тома были оплачены, по распоряжению Екатерины II, в громадной сумме 3119 руб. из средств Соляной конторы, т. е. изданы за счет Кабинета.[2]

Это не известное прежде обстоятельство побуждает внимательнее отнестись к забытому труду Эмина. При самом печатании было сделано совершенно необычайное исключение: Эмину выдавались прошедшие корректуру чистовые листы в количестве восемнадцати экземпляров, хотя за несколько месяцев перед этим было установлено в Академической типографии твердое правило, чтобы от каждого приготовленного к печатанию листа делалось лишь по одному пробному предварительному оттиску для наборщика, для корректора и для самого заказчика. Однако 17 января 1768 года, т. е. по окончании печатания первого тома, Академической канцелярией было приказано наборщику Сидорову дать за своею подписью справку о том, сколько было отдано переводчику Эмину и по чьему приказу из напечатанных в типографии экземпляров сочиненной им «Российской истории». Наборщик Сидоров (он же фактор новой типографии) ответил следующее: «Помянутым переводчиком Эминым брано „Российской истории“ каждого в печать отпущенного листа на александрийской бумаге по 4 экз. и на простой по 14 экз., объявя словесное приказание, что-де мне от господ присутствующих Академической комиссии велено оное число брать для раздачи во оной с ним трудившимся».[3]

Совершенно ясно, что в числе лиц, покровительствовавших либо содействовавших выходу «Российской истории», были особы очень высокого

---

[1] Смерть Ф. Эмина в апреле 1770 года оказалась совершенно неожиданной для его немногочисленных друзей. Они ничего не сообщают о болезни Эмина, но засвидетельствовали, что ему не было поставлено намогильного памятника. Так поступали, как известно, при захоронении самоубийц.

[2] ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 308, лл. 157 и 158; д. № 322, л. 102.

[3] ААН, ф. 3, оп. 1, д. 308, лл. 159.